

WTF Tin Man 2017

Спецквест

Задание: «Законы, запреты, правила, табу»

Название: А потом всё равно сжечь

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Задание: «Законы, запреты, правила, табу»

Размер: мини, 2167 слов

Пейринг/Персонажи: [Рейнз/Амброз](#)

Категория: слэш, упоминается гет

Жанр: драма

Рейтинг: R

Предупреждения: нон-кон (не графичный), гомофобия, гомофобное законодательство, ксенофобия, намёк на попытку суицида

Краткое содержание: Рейнз имеет зуб на Амброза и наконец получает возможность разобраться с бывшим соперником

Примечание: Все персонажи, вовлеченные в сцены сексуального характера, являются совершеннолетними. Пассаж про манчкинов и кошек (в оригинале индейцев и собак) позаимствован у Джека Лондона. Рейнз поёт местный манчкинский аналог песни «Чито гврито, чито маргалито».

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "А потом всё равно сжечь"

— У манчкинов, говорят, в голодные времена съедают сперва старух, а потом кошек.

Лаборант с довольной рожей укусил бутерброд, жирная крошка упала на журнал записей, оставляя отвратительный след.

— Почему? — округлила глаза практикантка.

— Кошки ловят дичь, а старухи — нет, — пояснил лаборант с высоты своих двадцати двух наивной пигалице.

Заметил Рейнза, некрасиво испугался и заметался, стряхивая крошки, пытаясь спрятать бутерброд, а девица стояла, приоткрыв рот и хлопая глазами.

— Старух... первыми... — приглашая посмеяться, заискивающе заглянул в глаза начальству лаборант и кивнул в сторону объекта.

Тот попытался сесть непринуждённо и церемонно одновременно, словно явился на завтрак к Её Величеству для приватной беседы, и Рейнз вообразил, как золотые галуны ползут, подобно побегам плюща, оплетая белую больничную робу. Помотал головой, стряхивая наваждение.

Никогда Амброз не мог усидеть больше минуты, а теперь он был ещё и взвинчен.

Всем было известно, что бывший советник Королевы — безотцовщина, полукровка, отвергнутый родным племенем Красноголовых. Газеты не однажды перемывали ему кости, карикатуристы изображали его в боевой раскраске и перьях, и данный факт его биографии по популярности мог соперничать лишь с его выдающимся носом. Господина советника и раньше-то не норовил пнуть только ленивый, а уж его несвобода окончательно развязала руки разным типам с мелкими садистскими наклонностями. Рейнз ухмыльнулся: у него тоже были планы. Лаборант принял это

на свой счёт и заискивающе захихикал.

— Птичка, птичка, маленькая птичка, — напевал Рейнз, перебирая бумаги, высматривая что-то в журнале записей и старательно игнорируя Амброза.

Однако свежая кровь творила чудеса, щедро одаривая плоды редких межрасовых, не сказать межвидовых связей, и у маленьких птичек рождались такие вот красавцы, с растущими откуда надо руками и слишком шустрыми мозгами, вроде них с Амбросом. Только вот Рейнз свою биографию вовремя подчистил. Он собирался достичь самых высот, подобраться к самому средоточию Магии, хотел бы, чтобы его блестящее имя связывали с какими-то грязными дикарями. Хотя свиньёй в его семейной истории был отец, обыкновенный человек, Рейнз терпеть не мог именно дикарей. И грязи.

Работать с Видящими, покрытыми мхом, источающими звериный запах, было для него сущим наказанием. Но и Амброз, посидевший для острастки в камере, казался Рейнзу недостаточно обработанным. Алхимик потянул носом воздух и пренебрежительно поморщился. Бывший советник косился на Рейнза, лицо его было как открытая книга. И как этот человек столько продержался у власти? Почему его выбрала Королева? Впрочем, кто сейчас сидел, ожидая своей участи, а кто распоряжался ею?

Грядёт час его славы. Рейнз прикрыл глаза, представляя себя в сердце Солнечной Сеялки. В дочиста вылизанном помещении. В костюме из белого латекса, с жезлом-шокером в руках, подгоняющим нерадивых работников. Ни дать ни взять бог-громовержец. И рядом Она. Каким мелким казалось теперь желание затмить своего вечного соперника, втоптать его в грязь и под конец бросить в лицо правду: это я, я тогда...

«Это я написал ту анонимку, Амброз. Моя комната была сплошь заклеена фотографиями Королевы. Ты посмеялся — а я написал, и свидетели нашлись. И тебя могли надолго запереть, жаль, Мистик отстоял. Но ещё пару лет наше юное дарование не могло представить свой проект на королевский смотр — в силу неблагонадёжности, мало ли что ты мог выкинуть при личной встрече...»

«И не только эту...»

«И скормил „правду из первых рук“ автору той грязной статейки — с какой стати Мистик тебя поддерживает».

«Леона, помнится, поверила, и ты её не простил».

«А Королева так носилась с тобой — Амброз то, Амброз сё... Малютка Аз хвостом за тобой ходила, в рот заглядывала. Дорого бы я дал! Когда Её фотография появилась на моём „алтаре“? Не думаю, что жестянки бы это одобрили. А отдуваться-то пришлось тогда тебе...»

«Да, весёленькое было времечко, когда трон уже зашатался, из людей полезло дерьмо, цензуру сдали в утиль, и такое полилось из газет... Тебе и Мистика припомнили, и Королеву, и дочек её — в одной газетёнке писали, что ты их и заделал - по крайней мере младшую, а в другой — что ты с ними спал, а в третьей...»

«...и про растрату казны. Но ты ведь никогда не думал, во что нам обходились твои проекты, сколько нам — мне — приходилось трудиться, чтобы твоя „гениальная“ идея воплотилась в жизнь? Порхающий от одного озарения к другому, ты смеялся над моей крепкой задницей — вот что для тебя было трудолюбие и упорство! Посмотрим, кто посмеётся последним».

«Помнишь, как у тебя то одно, то другое срывалось? Как взорвался почти готовый к запуску первый блок Сеялки? Год трудов насмарку. А всё потому, что ты нелестно обо мне отозвался. Как ты сам тогда жив остался? А потом из тебя душу чуть не вытрясли, из больницы бы да в тюрьму, шутка ли, два десятка человек угробили. Её Величество еле отстояла, слаба она уже была к тому времени. Ты бы вычислил и нашёл меня, если бы не был ранен, если бы не война Королевы-матери с Ней, если бы я не последовал за моей дорогой Чародейкой...»

«Когда быть ближе к Ней стало означать быть ближе к тебе? Беда идеалистов вроде тебя и Её Величества в вашем благодушии, вы живы до первого хищника, до первой Аз, до первого Рейнза. Ты был выше моей ненависти, ты помогал мне подниматься по этой лестнице, но сам занимал

последнюю ступеньку, и места для двоих на ней не было. Теперь я на последней ступеньке, выше меня — только Она со своей магией. Ты видел когда-нибудь Поцелуй Смерти, вынимающий душу? Она прекрасна. Я там, где давно хотел быть, и я не буду так великодушен с подрастающими хищниками».

«Я на последней ступеньке. Я могу сделать с тобой что угодно: скормить живьём летучим обезьянам по маленькому кусочку всё, кроме твоего гениального мозга, который один только и нужен Ей; оставить при себе на побегушках, на самой грязной, тяжёлой и бессмысленной работе. Почему я не испытываю при этой мысли прежнего удовольствия? Неужто от тебя что-то подхватил?»

Рейнз наконец поднял глаза на Амброза. Насколько можно было судить по опыту, тот устал переживать и пристально разглядывал сооружение в углу, параллельно размышляя над его усовершенствованием.

— Имя, фамилия! — рявкнул Рейнз.

Амброза просто подбросило. Рейнз прямо-таки увидел, как мысли брызнули в разные стороны, запрыгали по полу, как цветные бусины.

— Вы... вы это серьёзно?

— Имя, фамилия!

— Амброз Редхэд.

— Возраст!

— Двадцать восемь.

— Место рождения!

Вместо ответа Амброз просвистел что-то птичье, заставив Рейнза потянуться к жезлу, а его подчинённых дружно фыркнуть.

— А теперь по-человечески!

Рейнз знать не хотел этого проклятого языка, но звуки нагло лезли в уши, проникали в мозг, вызываясь понятные. Амброз прочёл это понимание в глазах, по-детски улыбнулся и защелкал как целая стая.

Рейнз налился краской. Лаборант и практикантка хохотали в голос.

— Мы все тут старые друзья, — чирикал Амброз. — Зачем расспрашивать меня? Раскрой окно темницы, я улечу как птица!

— Ты прекрасно знаешь, что за твою попытку побега будет наказана бывшая королева, — скривился Рейнз.

Улыбка Амброза мгновенно угасла. Лаборант с практиканткой пооткрывали рты.

— Восточная область, Большое Гнездо Красноголовых, — быстро проговорил советник.

— Раздевайся.

Амброз недоверчиво и удивлённо поглядел на Рейнза, покосился на его топчущихся балбесов. Длиннополье ждали за дверью — жалко было хрупкого оборудования.

Рейнз выразительно похлопал жезлом по ладони.

Амброз пожал плечами и в два приёма стянул штаны и рубашку.

Кажется, до него стало доходить, что бывший коллега переметнулся на сторону врага всерьёз и сегодняшняя встреча — не передышка в аду и не возможность спасти Королеву, а унижительная процедура осмотра действительно служит цели унижить.

Он оглянулся через плечо и — со всей очевидностью для Рейнза — новым взглядом пробежался по оборудованию.

Рейнз осматривал его тщательно, измерял и взвешивал, пересчитал зубы и даже в задницу залез, изучая то, что не успел разглядеть в университетской душевой и позже, там, где совместный быт был первобытно прост — на мавританиевых шахтах, на стройке Сеялки в первые месяцы...

Завидовать тут было особо нечему, разве что шевелюре: собственные волосы, тонкие, сероватые, Рейнз находил похожими на плесень и сбрасывал напроц.

Он мог поклясться чем угодно, что тот проклятый вопрос совершенно случайно пришёлся на

момент, когда Амброз стоял на столе, на четвереньках, с широко разведёнными ногами, с пальцами Рейнза глубоко в заднице. Раньше господин советник занимал его мысли как опасный соперник. Теперь — в силу природной бережливости. Это сам Амброз мог метаться от проекта к проекту, оперируя космическими величинами, а шедшим за ним приходилось просчитывать каждую мелочь. Вот и сейчас от мозга оставалось слишком много тела, нерационально много отходов. Рейнз изучал объект и задавал стандартные вопросы. А объект пытался отнестись к происходящему философски.

— Есть ли жалобы на дурное обращение?

— Что? — Амброз резко вскинул голову.

В комнате повисла тяжёлая пауза, во время которой все, залившись краской, то переглядывались, то отводили глаза.

— У вас принято подобное обращение? — спросил Амброз тихим голосом, в своей обычной мягкой манере, и Рейнз снова подивился, как этот человек управлялся с целой страной.

— Значит, нет жалоб, — буркнул он. И прикрикнул на лаборанта: — Записывайте, не отвлекайтесь! «А ведь хороший получился тогда скандал, следствие, подсудное же дело. Каких только слухов не ходило. Про дуэль и про это вот», — он ухватился за запястье и развернул предплечье внутренней стороной.

Без регалий, без одежды, без ореола власти, все шрамы и маленькие жалкие тайны как на ладони.

«Вместо мавританиевых шахт чуть не уехал в каменоломни. С Мистиком, по одной статье за мужеложство на двоих».

«Но как он тогда бесился...»

Только жар, окативший Рейнза, когда он ткнул пальцем в небо... или отнюдь не в небо... осел тяжёлым комом под рёбрами, не желая уходить.

«И как он взбесился сейчас...»

Тихим голосом Рейнза было не обмануть: Амброза он знал как облупленного.

А себя?

Секс был за скобками жизни Рейнза. Грязь, мерзость.

Только чистый экстаз в присутствии девы-воительницы. Когда она выпивает жизнь, когда выпускает на волю летучих обезьян.

«С какой стати я вообще?!»

Объектов через его руки прошло...

«А я ведь мог бы...»

Мысль прельщала своей новизной, незатёртостью в отличие от тех планов мести, которым были годы и годы.

«Подсудное же дело...»

«Ни суда, ни следствия».

«На той стороне целая куча государств, а у нас что хочешь делай, никто не вмешается — ни тебе манчкины, ни папайи».

Чтобы прогнать лишние мысли, он сделал то же, что всегда: занялся работой.

До операции оставалось всего ничего.

Впервые в жизни Рейнз не мог взять себя в руки. За ночь он совершенно измучился. Во рту пекло и чувствовался металлический привкус нестерпимого желания.

Всё было готово, но он выгнал всех и отключил приборы, якобы мешавшие ему сосредоточиться. Запер дверь.

Амброз лежал на столе, пристёгнутый ремнями, один из которых заставлял его повернуть лицо к потолку. Чёрные глаза испуганно косили, стараясь разглядеть, что происходит вокруг. Советник был бледен и тяжело дышал, кусал тонкие губы — он боялся. Затянувшееся ожидание только мучило его.

«Сейчас или никогда».

Рейнзу представился завтрашний Амброз — не Амброз уже, а так, закреплённое на малоуправляемом теле подобие пустого дома со множеством распахнутых окон, глупых, разнокалиберных, впускающих сквозняки в общее пространство черепа. Ноги несли неведомо куда, створки болтались и хлопали...

Рейнз положил руку на грудь Амброзу, хозяйским жестом, хотя рука и дрожала.

— Что? — спросил тот шёпотом. И потом, когда руки начали движение: — Вы не посмеете!

Рейнз только хмыкнул. Он знал, что, поддаваясь соблазну, ставит под угрозу исполнение воли Чародейки, но это был один из тех редки случаев, когда не получить желаемое казалось смертельным.

— Прекратите! — Амброз сорвался на крик. Грозный, не жалобный. — Я позову...

— Мамочку?

— ...

— У нас многие кричат, — хрипло дыша, объяснил ему Рейнз.

— Рано или поздно сюда войдут люди. Я ослаблю вас перед всеми! — нос и подбородок Амброза были задраны к потолку, создавая впечатление презрения.

— И себя заодно.

Рейнз, несмотря на знание медицины, довольно смутно представлял, что хочет сделать и с чем столкнётся. Было тесно, неудобно, больно обоим. Отвратительно. Но он пробивался внутрь на одном упрямстве. Амброз шипел сквозь зубы, вцеплялся руками в покрывавшую стол клеёнку, чёрные глаза стали совершенно дикими, а вечно бледное лицо побагровело.

Проклятие тяготело над Рейнзом: даже то, чего он страстно желал, давалось тяжело и не приносило удовольствия. С трудом пробившись в неподатливое тело, он слишком скоро кончил. Вытер пот — грязь! — и кое-как привёл в порядок себя и Амброза, чей вынужденный взгляд в потолок теперь казался почти оскорбительным.

Самому Рейнзу полегчало, а объект был в полубморочном состоянии, пульс зашкаливал.

Старший алхимик торопливо воткнул ему в руку шприц и глянул на часы — прошла едва ли четверть часа, а не целая вечность. Он выпил воды, выровнял дыхание и счёл возможным начать.

Он запретил себе интересоваться дальнейшей судьбой тела, окружив заботой мозг.

«Это было временное помешательство».

Многие слуги Чародейки беседовали сами с собой, подражая ей.

«Готовился, наверно, терпеть под пытками. А такого даже представить не мог».

«Я и сам не мог».

«Больше десяти лет знакомы. Почти пятнадцать».

«Но как он волновался за свой мозг. Будто тот ему ещё пригодится».

«Мозг при достаточном уходе и меня переживёт».

Представил, как через много лет мозг заносят в протекающий, заросший паутиной череп.

«Или он придумает какую-нибудь штуку, чтобы можно было общаться по-человечески».

Представил себя гонящим чай под задушевную беседу, подливающим в физраствор стаканчик-другой сладкой настойки, Амброз был лакомкой...

Помотал головой, стряхивая наваждение.

Под окнами было шумно (грязь!), длиннополые (свины!) с шутками гоняли какого-то Глюка по двору.

«Ничего, построим новое здание Сеялки, потребую себе целый этаж под самым небом. Или парочку».

Рейнз почти по пояс высунулся на улицу, в туманное утро.

Не-Амброз топтался посреди двора в потерявшем вид вицмундире, оглядывался растерянно, улыбался неуверенно — подражая окружающим, но не до конца понимая, над чем смеются, как глухой или недоумок. Отвратительно.

Это был совершенно другой человек, и видеть его было непереносимо.
— Эй, капитан, — окликнул Рейнз одного из длиннополых. — Что он тут ещё делает?
— Приказа не было, — с ленцой отозвался тот.
— Выкиньте его к Гингеминой матери, а с бумагами потом разберёмся.
— Ребята устали, — доверительно сообщил капитан. — Дайте им расслабиться, господин старший алхимик.
— Ладно, только недолго. И потом всё равно вон.

Название: Ученик

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: мини, 3171 слово

Задание: «Законы, запреты, правила, табу»

Пейринг/Персонажи: [Мистик/Амброз](#) (односторонний), намёки на [Амброз/Леона](#)

Категория: джен, преслэш, гет за кадром

Жанр: драма, ангст

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: гомофобия, гомофобное законодательство, ксенофобия, намёк на попытку суицида

Краткое содержание: немного про отношения Амброза с Мистиком

Примечание: все персонажи, вовлеченные в сцены сексуального характера, являются совершеннолетними; автор дал Мистика имя; Амброз цитирует несуществующие стихи

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Ученик"

Было лето, а он, как дурак, в самую жару слёг с простудой. Попросил Баффина прислать кого-нибудь потолковее в помощь — так и познакомились.

Баффин был тогда самым молодым из их исследовательской группы и время от времени читал курс лекций в университете. Хвалил работу и студентов, у которых якобы тоже чему-то учился. Сам Гудвин возиться с молодёжью давно бросил. То, над чем он работал, понять могли немногие, а учиться к нему приходили самые отчаянные, уже обременённые степенями и лысынами.

Неудобно было бы отправлять кого-нибудь из них в лавку или сажать за корректуру.

Это было мирное время, охрана не возилась у двери, мешая думать. Покой Гудвина охранял всего лишь замок, хотя и довольно хитрый. Препятствием Амброзу он совершенно не послужил. Пока хозяин дома сипел «сейчас-сейчас» и пытался попасть в рукав халата, небольшой ураган ворвался в квартиру и прошёлся по ней, не пропустив ни одного уголка. Будущий помощник принёс с собой запах нагретой солнцем пыли, свежего хлеба и потревоженных фруктов. Он трещал без умолку, вывалил на Гудвина целую гору бестолковых новостей и приветов от коллег, оглядел внимательно его и расставленные на шкафчике лекарства, обшарил кухню, не замирая ни на минуту и не давая вставить слова. Гудвин так и метался за ним по квартире, словно загипнотизированный, подняв руки в увещевающем жесте. Потом Амброз вдруг замолчал и застыл. Гудвин вздохнул и опустил руки. Позже, получше узнав Амброза, он понял: данные были собраны, юноша решал квартиру и её хозяина как комплексную задачу.

Гудвину представилась возможность рассмотреть гостя.

Он был похож на неведомую птицу со своим большим носом, блестящими чёрными глазами, длинными и худыми, как у журавля, ногами, большую часть времени двигавшимися в журавлином танце. Руками он себе в разговоре тоже помогал, хоть они и были заняты сумками с

заумными бумагами и прозаической едой. А сейчас замер чуть ли не на одной ноге, склонив голову набок, ни дать ни взять тощий городской воробышек ростом под два метра.

— Как мне к вам обращаться, юноша? — чуть насмешливо спросил Гудвин.

— А? А-Амброз Редхэд, — он протянул руку, перед этим тщательно вытерев ладонь о мешковатые брюки. Одежда на нём смотрелась как-то странно, словно он не до конца к ней привык.

Наверно, откуда-нибудь с фермы к нам прибыл, подумал тогда Гудвин.

— А я профессор Гудвин.

— Да кто ж вас не знает, — улыбнулся Амброз. Отмерев, он продолжил осваиваться на кухне, нацепил брошенный приходящей экономкой фартук, и дальше разговор пошёл под шум воды, стук ножа и возгласы накопленной когда-то женой кухонной техники, в которой самому Гудвину разбираться вечно было недосуг. Готовила и убирала у него обычно экономка, иногда заночевавшая девушка могла соорудить немудреный завтрак в постель, а сам он знал, как разогреть еду и как заказать её в ресторанчике по соседству.

— Учитесь у профессора Баффина?

— Ну да.

— На каком курсе?

— А-а-а... Я так к нему, вольнослушателем. У него интересно. Где у вас инструменты?

— В кладовке что-то было, сто лет их не... Стоп, какие инструменты?

— Вытяжку перебирать придётся: эту модель им какой-то урод криворукий проектировал, если подправить, расход магической энергии будет меньше. И фильтры пора менять. Вон та конфорка мне не нравится, как тянет... Да вы пейте пока чай, — он залил кипятком явно принесённый с собой травяной сбор. — Это мне из гн... из дома прислали, мёртвого поднимет.

— Я вообще-то рассчитывал на несколько другую помощь, — с улыбкой пожал плечами Гудвин, отхлебнул чаю, и из глаз у него брызнули слёзы.

— Да это вы как скажете, — хлопая его по спине, согласился Амброз. — Стенографию-то я знаю, но инструменты вы всё равно дайте, я время-то найду.

* * *

— Ну как тебе помощник? — спросил при следующем звонке Баффин.

— Где ты выкопал это чучело?

— Сам пришёл.

— С какого он курса?

— Что ты, с какого курса, — засмеялся Баффин. — Упрямый, как не знаю кто. Нет, говорит, у меня времени весь день штаны тут протирать. Да и не возьмут его — аттестата нет, возраст — даже по документам мало, документы ему на заводе Мюррея выправили, в Миллтауне, прежде чем сюда отправить. Откуда он там взялся — молчит как партизан, это с его-то языком без костей.

— Так за него Мюррей платит?

— Никто за него не платит, — отмахнулся Баффин. — Врёт, что ребята с завода посоветовали учиться идти, раз голова варит, и возвращаться инженером, а тут тебе и лишних лекций куча, и аттестат за десять классов вынь да подай. Про школу как будто вчера услышал, но в механике просто бог. Он тебе показывал уже свою машинку?

— Какую? — удивился Гудвин. В эти три дня Амброз ассистировал ему в работе над рукописью, а в остальное время приводил в порядок квартиру и её хозяина. Упрямо делал всё по-своему, а потом стоял с видом нашкодившего ребёнка, на которого совершенно нельзя было обижаться. Записывал за Гудвином без того туманного выражения в глазах, которое выдавало бы непонимание предмета, и даже задал пару толковых для дилетанта вопросов.

— Машинку, переводящую устную речь в письменную.

— Ого!

Вечером Амброз, припёртый к стенке, сознался, что действительно изобрёл и обкатывал такой

прибор, но для него требовались заряженные магией кристаллы, не самая дешёвая вещь.
— И вообще я подумал, что зачем я вам тогда? Так и не узнаю, над чем вы теперь работаете.

* * *

Хитрость у него сочеталась с простодушием, а умение твёрдо стоять на ногах — с умением витать в облаках.

Однажды, в то время, когда Амброз уже обитал у него, зашла речь о мечтах. Сам Гудвин развалился на кушетке, а Амброз на ковре, обложившись книгами и записями.

— У тебя есть мечта, Амброз? — спросил Гудвин прямо.

— Вы были на той стороне? — спросил Амброз после некоторого раздумья.

— Нет, — ответил Гудвин. — Это не так просто.

— Ну да. Вот когда я придумаю такую штуку... или дверь... и это будет просто...

— В этом твоя мечта?

— Нет, хотя и в этом тоже. Я бы хотел посмотреть, какие там люди, какое там всё. Солнца, лес, машины. Узнать, о чём птицы поют, как земля после дождя пахнет.

— Солнце там всего одно.

— Интересно, это как-то связано с отсутствием магии?

— Пока науке это неизвестно.

— Вот если бы мы могли связаться с их учёными, объединить усилия. Мы здесь как в чулане заперты, как на луне сидим. Вы были на какой-нибудь из лун? Почему у нас так боятся всего, что связано с небом? Говорят, что принц-консорт прибыл с той стороны по небу каким-то чудесным образом. Хотел бы я узнать, как?

* * *

— Эта книжка без картинок, — сообщил Гудвин, ещё в начале знакомства застав Амброза в собственной библиотеке.

— Без разницы, я всё равно кинестетик.

Тот продолжил разбирать что-то в толстенном томе, потом спохватился:

— Вы против, чтобы я брал ваши книги?

— Нет, но мне казалось, что это достаточно далёкая от механики область. Философский труд, давший начало современной психотерапии, сложный для восприятия.

— Но мне нужно! — хлопнул себя по бедру Амброз. — Я же буду работать с людьми! То, что я хочу сделать...

— Вернуться на завод не рабочим, а инженером? — с улыбкой поинтересовался Гудвин.

Амброз смотрел на него очень внимательно с минуту.

— Вроде того. Хотелось бы понять, что у людей в головах творится. Вот стихи у вас... непонятные.

Гудвин тогда не обратил на это «у вас» внимания, подумал, парень открыл наугад какую-нибудь из книг на этих полках.

— Такое ощущение, молодой человек, что вам не хватает базового образования.

— Это вы про школу что ли? К чему убивать десять лет на то, что за полгода выучить можно?

— Я не только про письмо и арифметику, — покачал головой Гудвин. — К психологии неплохо бы добавить литературу и историю, а уж такая мелочь, как этикет... Не стоит создавать своим поведением ложное впечатление, что вы вчера с дерева слезли.

— А может, и слез, вам-то что! — неожиданно обиделся он.

— Вот о чём-то таком я и говорил.

* * *

Было, было за этим что-то.

Как-то Гудвин притащил Амброза к Мак-Леллоху, ставившему опыты с низкими частотами.

Результаты противоречили всем расчётам: то ли действительно в природе было всё не так, как на

бумаге, то ли что-то упустили с оборудованием. Амброз нашёл какой-то совершенно смешной и нелепый недочёт, который исправил с помощью куска фольги от шоколадки.

— Чудеса, — сказал тогда Мак-Леллох, разводя руками. — У вас в роду видящих не было?

— А что? — неожиданно напрягся Амброз. — Я полгода у них жил, нормальные ребята...

* * *

Иногда Гудвину казалось, что так он учил бы всему своего сына, которого у него никогда не было и, наверно, уже не будет.

Наконец он нашёл человека, который мог уже в таком возрасте понять то, чем Гудвин занимался, понять масштабы его деятельности, пойти в ней дальше.

Лестно было бы думать, что Амброз похож на него в молодости или что юноша продолжит его дело. Нет, похожи они были разве что упрямством. Крепко сбитый, коренастый Гудвин шёл навстречу сопротивляющемуся его идеям научному обществу, как против урагана, наклонив круглую лобастую голову. Амброз двигался в журавлином танце, совершал обманные движения, но выходило всегда по-его. И не стоило загадывать, что формой его изысканий станут кабинетные философские труды: он собирался активно преобразовывать мир вокруг. Они обсуждали всё от земли до неба, Амброз как губка впитывал знания о мире, и Гудвин даже прихватил его в любительский театр, где играл с юности.

Учениками и последователями он мог с натяжкой назвать Баффина, Мак-Леллоха и ещё с полдюжины человек, но ни один из них не был таким блестящим и удивительным.

Он слишком увлёкся Амброзом, как увлекался новыми задачами, новыми идеями, новыми людьми. Слишком привязался к нему, как-то уж совсем по-стариковски. И ужасно испугался, когда заметил за собой чувства иного рода.

* * *

Уилсон, университетский ещё приятель, «такой же старый хрыч», по его собственным словам, давно советовал Гудвину жениться. Сам Уилсон женился легко и регулярно, меняя одну совсем молоденькую девчонку на другую, ещё моложе. По большей части это были его студентки. Для самого Гудвина студентки закончились с аспирантурой. Ученицы не вписывались в рамки его научной и преподавательской этики. Обе его жены были далеки от науки, обе прожили с ним в удивительно ровных отношениях больше десятка лет, и обе ушли от него, заскучав. Решив, что в его годы поздно менять привычки и некогда тратить время на глупые знаки внимания, Гудвин не искал новых глубоких отношений. Еду и женщин он мог заказать «на вынос», а круг общения свёлся к таким же увлечённым наукой великовозрастным мужчинам, и казалось, плавный ход времени, смену глубокомысленных трудов и маленьких удовольствий ничто не прервёт ещё тысячу лет.

Так и будет он, Абсолом Гудвин, возлежать в атласном халате и феске на любимой кушетке, выдыхая дым и изрекая истины.

Это Амброз придумал ему прозвище «Мистик» - за то, что умел напускать туману и якобы знал ответы на все вопросы. Заставил встряхнуться и сойти с кушетки. Заставил чувствовать.

* * *

Однажды Амброз заявился к нему с подбитым глазом.

— Это ещё что? — удивился Гудвин.

— Научный диспут. Есть там у нас один такой... Рейнз. В твоём, говорит, курятнике... А я ему: «Ну не в твоём же. Вы, Синепёрые...» Ну он мне и двинул... А я ему... А нечего прикидываться — я этих гадов везде узнаю.

— Кого узнаешь? — не понял Гудвин.

— Соседи наши. С ними как... с соседями. Стенка на стенку, — Амброз улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой и махнул рукой.

А через две недели Баффин проговорился, что Амброза попросили с квартиры и никуда не принимают, потому что на него завели дело. Какая-то совершеннейшая нелепица и глупость, связанная с политикой. Ночевал он где придётся, в том числе и в университете.

— Оставайся у меня, — предложил ему Гудвин. — Всё равно ты здесь уже практически поселился. Конечно, влюбись он до этого, а не после, никогда бы не посмел такое предложить. Ну и с полицией помог разобраться.

* * *

Стал смотреть в эти глаза по-другому, заметил искорки, жгуче-чёрные густые ресницы.

Все эти милые глупости бродили в голове: запустить пальцы в тёмные кудри, обвести горбинку носа, острые скулы, смешные косматые брови.

Во время разговора разглядывал быстро движущиеся узкие губы, летающие руки.

Себя не обманешь, как других. И никто не осудит тебя сильнее совести.

* * *

Помог сдать экстерном экзамены за школу, за университет.

Амброз отправился на мавританиевые шахты — ждал, тосковал, боялся: подземные рудокопы были не самым мирным народом. Вспоминал, как маленький ураган проносится по комнатам в хороший день, как Амброз сидит, нахохлившись, в скверном настроении, не посвящая его в свои таинственные дела.

Уилсон пытался расспрашивать, но даже ему рассказать не хватило духу.

* * *

Это в полиции ему приоткрыли завесу тайны над происхождением «его юного протезе».

— За что тебя из гнезда-то выгнали? — решил он спросить много, много позже, когда между ними установилось более глубокое доверие.

Гудвин по привычке возлежал на кушетке, а Амброз — на полюбившемся ему пыльном ковре, заложив руки за голову.

— За то, что с дровосеками связался. Ну и вообще, я сильно вытянулся, заметный стал, да и характер, сами знаете, только повод был нужен.

— И как же ты с ними связался? — мысли свернули не на ту дорожку. Вот тебе и Амброз, вот тебе и тихий омут. Ах ты, старый ты хрыч.

— Пилу им починил. Это как переход на сторону противника. Они же наш лес валят.

— К технике потянуло?

— Да... ну... нет... Я понять хотел, почему они... мы... извели почти все леса, что, по-другому нельзя? Здесь же замкнутая система, а у нас экстенсивный путь развития, скоро и магия не спасёт. Фермы истощают землю, им нужно больше и больше места, древесины уходит целая прорва, как будто витальную магию добывать больше неоткуда. Нужно... нужно придумать такую штуку, я назвал её Солнечной Сеялкой, мы сможем менять длину светового дня и снимать два урожая в год. Я почти понял, как извлечь больше магии из солнечного света, надо будет ещё улучшить почву, понять, откуда взять воды, как изменится климат в долгосрочном периоде...

Он оборвал себя и покосился на Гудвина.

Тот невозмутимо выпустил струю дыма.

— И кем ты готов стать ради этого? Министром? Принцем-консортом?

Амброз рассмеялся.

* * *

Когда Амброз съехал, в наследство Гудвину достался «филиал королевской оранжереи», оборудованный хитрой системой полива, освещения и удобрения, исправно работавшей и тогда,

когда бедного мальчика уже не стало. Химера сделала своё дело, Гудвин несколько лет не менял перегоревшие лампы, не засыпал удобрений в специальные ящички, но вода в трубах ещё была, и если бы он мог вернуться из последнего заключения, вернулся бы к тому, что ещё кое-как наполняло квартиру жизнью: к зелёным листьям и уютному урчанию труб.

Он был уверен, что Солнечная Сеялка, первая очередь которой погибла так нелепо, скорее всего, по чьей-то злой воле, работала бы так же бесперебойно.

Десять лет трудов всей ОЗ погибли, попали в злые руки. В последний раз они спасли Амброза после катастрофы, но перед Азкаделией была бессильна даже Королева.

Мог ли Гудвин это знать, когда юноша притащил в его дом вслед за небольшой сумкой пожитков пару цветочных горшков?

— Я по дому скучаю, — сознался он. — Там мне техники не хватало, а здесь, в городе, — жизни.

* * *

Когда разразился тот скандал — ну, ему, как обычно, предшествовала драка, фигурально, конечно, на этот раз за внимание Её Величества, на «ярмарке невест», королевском научном смотре, куда Гудвин правдами и неправдами протащил Амброза, — тот уже более-менее встал на ноги, обзавёлся жильём и, по слухам, исходившим от того же Баффина, девушкой, с которой близко сошёлся на мавританиевых шахтах.

Амброз ворвался к нему как ураган, но в этот раз ураган бешеный и злой.

— Как они посмели... Они! Вы! Вся эта грязная ложь! Простите, что втянул вас во всё это... — Амброз на миг замер перед кушеткой, опустившись на одно колено.

— Но это ведь правда, — неожиданно для себя сознался Гудвин. — Я действительно люблю тебя!

— его рука на миг коснулась тёмных кудрей — большего он не смог себе позволить.

— Как будто я не знаю, — ласково улыбнулся Амброз, вскочил и продолжил стремительное движение по комнате. — Я тоже люблю вас — хотя и не в этом смысле. Вы столько для меня сделали — а они... они совсем не знают вас... смеют приписывать вам наличие такой же низменной меркантильной душонки! Кто они — и кто вы! «Так прибой разобьётся о скалы...»

Он и ушёл так же молниеносно, как появился, а Гудвин лежал и думал, как быстро и сильно изменился Амброз за эти годы. Но главное сохранил.

А парень ведь перед дуэлью прощаться приходил, знал, что может и не выжить.

В следующий раз они увиделись уже в тюремной больнице: дуэль, очередное следствие, резкий разрыв с девушкой, попытка всё разом оборвать...

Гудвин, не стесняясь присутствия охраны, гладил тёмные кудри и как ребёнку втолковывал, что будет ещё миллион таких скандалов, и если так размениваться на каждый, то не будет ничего: ни Сеялки, ни Двери, ни полётов к Лунам...

* * *

Конечно, Гудвин давно был знаком с Королевой, ряд его исследований носил стратегический характер, и в принципе их связывала давняя дружба. Гудвин этой дружбой не козырял, не щеголял и почти не пользовался. Ему бы и в голову не пришло тащить Амброза на личный приём или самому заводить о нём разговор с Королевой. Она должна была сама всё увидеть и понять. Так получилось, что скандал пошёл только на пользу: Её Величество не забыла одного из череды заинтересовавших её толковых юношей, да ещё романтично-драматический ореол всей этой истории сыграл свою роль.

Амброза ждал стремительный карьерный взлёт, а ОЗ — годы реформ и бурных преобразований. Тишина для Гудвина кончилась.

Заручившись поддержкой волшебных народов, люди принялись за переделку мира, венцом которой стало бы строительство Солнечной Сеялки.

— У нас есть легенда, — сказал как-то Гудвину Ахамо, глядя на проект здания Сеялки. — Как народы решили построить башню до неба и подёргать бога за бороду. Но старый хитрец, как

всегда, вмешался в их планы.

Гудвину почему-то запомнился этот разговор.

* * *

Он знал, что сделали с Амброзом. Из газет.

Больше десяти лет они трудились бок о бок, он знал парня как облупленного, знал о его бурных романах с женщинами, наивно надеявшимися блистать в свете, а вместо этого делившимися Советника с наукой и Её Величеством. Он не хотел и думать, что там приключилось в последние годы, когда стало не до науки и приходилось видеться куда реже, между Амброзом, Королевой и подросткой Азкаделией. Он поставил себе границы, но думал, что смог любить и быть счастливым, не преступая их.

Они могли ставить эксперимент в четыре руки, понимая друг друга с полуслова, могли спорить до хрипоты, разругаться вусмерть, а потом так же насмерть стоять, защищая друг друга.

Странно было, когда Амброс винился ему, что не может отменить наказание для мужеложцев: ОЗ нужны дети, нужны рабочие руки. Гудвин рассеянно кивал — плевать он хотел на этот закон.

Конечно, согласно определённым медицинским исследованиям, он в равной степени мог увлечься мужчиной или женщиной, но ничего, подобного столкновению с Амброзом, больше в его жизни не случилось, а за интрижки с дамами в этой стране не наказывали.

Страшно было узнать, во что превратил Рейнз — тот самый, из Синепёрых, — прекрасные изобретения Амброза, для чего Чародейка собирается использовать Солнечную Сеялку.

Тяжело было не видеть его почти год, подозревая худшее. Стазис-костюм или голова-на-молнии?

Амброс-то думал, как соединить живое с неживым, чтобы продлить жизнь людей, как вылечить их, как сохранить на долгом пути к Луне.

Или то была просто долгая и мучительная смерть на потеху ведьме?

Гудвин совершил над собой почти невозможное усилие и встал во главе Сопrotивления — только он сам мог знать до конца, почему. Всё-таки он оказался больше теоретиком, и арест Кейна стал началом конца.

А когда пришли страшные вести, Мистик уже плотно сидел на химере, вернувшись в круговорот посильных трудов и маленьких радостей, только места театра и науки заняли вечернее шоу и магическая дурь. Она притупила боль, погрузила в равнодушие, чёрной вуалью накрыла память.

И только вернувшаяся ДиДжи сорвала эту вуаль, сорвала повязки со старых ран.

Она с товарищами уже покидала комнату, когда до Мистика дошло, кто это был — в пальто с чужого плеча, с чужим выражением на лице и без капли узнавания в тревожных чёрных глазах.

Сидя в одиночке и зная, что дни, даже часы его сочтены, Мистик вспоминал эту минуту. Просто химера? Или всё-таки предательство? И вдруг задохнулся от мысли: если бы не химера, если бы он нашёл Амброза — то, что от него осталось, — смог бы он преодолеть искушение?

— Они совсем не знают вас... «Так прибором разобьётся о скалы...» — прошелестел в его ушах голос Амброза.

Название: Проклятие Озмы

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Задание: «Законы, запреты, правила, табу»

Размер: миди, 4951 слово

Пейринг/Персонажи: fem![Амброс \(Глюч\)](#), [Королева](#), [ДиДжи](#), упоминается [Кейн](#)

Категория: джен

Жанр: драма, гендерсвитч

Рейтинг: PG-13

Предупреждения: правило 63, спорные гендерные взгляды

Краткое содержание: Раз в несколько поколений наследница трона О.З. превращается в мальчика - таков «закон Озмы». Прекрасная юная королева с лавандовыми глазами совершенно не хочет становиться мужчиной, а вот ее фрейлина согласна. С последствиями им придется разбираться через много лет

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Проклятие Озмы"

— Ангел мой, мне нужна твоя помощь.

ДиДжи с готовностью отложила книгу (все равно древние иероглифы шли со скрипом) и поднялась на ноги. Глюч нервно улыбнулся ей из-за маминого плеча, он всегда нервничал, когда они ходили разговаривать... да, собственно, с ним. С Амброзом.

Мозг удалось отключить от сеялки только через несколько недель: слишком серьезно на нем была завязана работа всей башни. К тому же нужна была новая система жизнеобеспечения, более компактная, которую можно перевезти в Финакву. И заодно другая схема связи сознания с мозгом, завязанная не на дар Видящих, а на магию. Теперь связь могла обеспечивать ДиДжи. Азкаделлия, конечно, тоже, но... В общем, проще ей.

До лаборатории шли молча, непривычно тихо. Обычно Глюч перебивал волнение болтовней и шутками, и мама даже улыбалась им, а сегодня он молчал и дергал пуговку на воротнике. ДиДжи догадывалась почему. Мама ездила в усыпальницу. Она верила, что Дороти сможет как-то помочь Глючу... Амброзу. И видимо, оказалась права, ведь если бы Дороти была бессильна, она бы, наверное, даже не стала рассказывать об этом? Не стала бы лишней раз расстраивать Амброза, он и так скис, когда выяснилось, что алхимики не могут пришить ему мозг обратно. Он тогда несколько дней ходил сам не свой и отказывался от сеансов связи. «Куколка, я даже знать не хочу, что меня так расстроило, — говорил он. — Если я не помню, а мне так тошно, то каково будет, когда я вспомню? Отстань». Потом успокоился немного, потом мама пообещала ему, что обязательно найдет способ, и он поверил, загорелся надеждой и даже собрал новое устройство — как временное решение.

Неужели правда получится? ДиДжи и сама занервничала и ускорила шаг. В лаборатории она торопливо, но внимательно повернула все рубильники и положила обе руки поверх шлема. Амброз заговорил сразу.

— Что она сказала?

— Амброз...

Он стиснул руки. Сердце у ДиДжи колотилось, как бешеное, и она не знала, его это волнение или ее. Обоих, наверное.

— Ваше величество, говорите, умоляю...

— Она сказала, что может помочь, — проговорила мама и опустила глаза.

— Но?

— Это серьезное вмешательство, не просто рана или...

— Озма, прошу! — почти застонал он.

— Нужно полное обновление, — мама все еще не поднимала глаз. — Вернее, восстановление. То, что с тобой сделали, невозможно исправить, но возможно отменить. Вместе со всеми другими магическими изменениями.

— Со всеми? — медленно повторил Амброз, и ДиДжи внезапно ощутила его страх. — Но... как?

— Личность и память не пострадают, — ДиДжи показалось, что мама заговорила чуть торопливее, чем нужно. — Да, это странно, но она сказала — так и будет. К тебе вернутся все знания, все воспоминания...

— Все знания и воспоминания, — снова эхом отозвался он. — Да вот толку-то...

— Амброз, — начала мама, но он внезапно перебил ее.

— Нет! Это нечестно, я не хочу. Отпусти меня.

Он резко дернул головой, ДиДжи едва не потеряла связь и тут же поняла, что этого он и хотел.

— Глюч, что...

— Пусти меня, — повторил он неожиданно зло, стащил шлем, едва она убрала руки, и молча вылетел из лаборатории.

— Мам?

Мама вздохнула и покачала головой.

— Я не могу говорить об этом без него и его разрешения. Но я надеюсь, он передумает и вернется. Ему нужно побыть одному и подумать...

Но ДиДжи так не считала. Во-первых, чем ему думать, если мозги остались здесь? А во-вторых, что за тайны? Магические изменения — но чего? Внешности? Ну не мозгов же, хотя ДиДжи не удивилась бы, узнав, что он каким-нибудь волшебным образом добавил себе ума. Но если серьезно — то ничего не понятно и срочно нужно выяснить, в чем дело.

Она решительно поднялась в комнаты советника над лабораторией, но Глюча там не было. Не было его ни в библиотеке, ни в конюшне, и даже Кейн только плечами пожал, когда ДиДжи заглянула в его новый кабинет. Но сдаваться она не собиралась.

— Мама, мне нужно поговорить с ним. Ты же сама сказала, что Дороти может помочь. И чем быстрее он согласится принять эту помощь, тем лучше, правда ведь? Что там такое страшное и несправедливое?

Мама снова покачала головой.

— Пусть сам тебе расскажет. Но ты права, чем быстрее... Знаешь, дитя мое, если его нигде нельзя найти, скорее всего, он в дозорной башне. Там винтовая лестница, и после третьего поворота есть окно. Это его, можно сказать, тайное убежище.

И Глюч действительно оказался там. Сидел в оконной нише, обхватив колени, смотрел сквозь пыльное треснутое стекло на подступающий к замку лес, а на самом деле, наверное, в никуда. Когда ДиДжи подошла, он перевел взгляд на нее.

— Она тебе рассказала, да?

— Нет, не стала без твоего разрешения. Глюч, — она шагнула с лестницы на площадку у окна, стала совсем рядом. — Я не понимаю, честно говоря. Если Дороти может помочь, то что не так? Что нечестно?

Он хмыкнул и снова уставился в стекло. Пошевелил плечами, пытаясь устроиться удобнее на каменной кромке. Тайное убежище, сказала мама. Прятался здесь, когда был мальчишкой? Теперь убежище явно было маловато: плечи слишком широкие, ноги слишком длинные.

— Может, пойдём в лабораторию, поговорим?

— О нет, — он усмехнулся совсем криво. — Это я и так помню. Хоть с мозгами, хоть без. Я тебе даже говорил, куколка, помнишь? Я не всегда был таким.

— Ну да, конечно, — неуверенно откликнулась ДиДжи. Может, все-таки затащить его в лабораторию и подключить к мозгам? — Ты был советником и снова будешь им.

— Но еще прежде было по-другому. Первая фрейлина ее королевского высочества.

— Что? — нет, его определенно нужно было тащить в лабораторию. Что-то в многострадальных мозгах заглохло совсем неожиданно.

— Наперсница ее величества. Леди... Не помню, представляешь? То имя тоже не помню. Не смотри на меня так, ДиДжи, я в своем уме. Ну, насколько это возможно с учетом обстоятельств.

— Ты был... женщиной? — осторожно проговорила ДиДжи. Мысли заскакали в голове, обгоняя друг друга. Операция по смене пола? Ничего себе развитие медицины... Хотя здесь же магия, чему удивляться после молнии в голове и железного костюма, в котором можно замуровать человека на несколько лет. Не говоря уже о Тото... Но Глюч?

— Именно, — горько отозвался он. — И снова буду ею. Или останусь без мозгов. Разве же это справедливо? Что так, что эдак — я потеряю все. Ладно, идем, поговорим с ее величеством. Пусть расскажет тебе все и заодно напомним, как меня звали.

Эмбер узнала первой, конечно же. Как иначе? Озма разбудила ее с перепугу и тут же все ей рассказала. Эмбер принесла воды, подоткнула одеяло и села рядом, кутаясь в шаль и позевывая.

— Это всего лишь сон, — проговорила она, и Озме очень хотелось и самой в это верить. Но когда пугающий сон приснился в третий раз, она пошла к Наставнику. Как ни крути, он разбирался в магии лучше всех. Правда, в пересказе сон получался совсем не страшным...

— Потом голос говорит «Привет, Тип», и я падаю... Знаете, как падаешь во сне? Долго и очень... — Озма передернула плечами и взглянула на Наставника, не улыбается ли он насмешливо.

Он не улыбался.

— Женский голос? — уточнил он.

Озме стало совсем не по себе.

— Да. Это... это она, да?

Наставник кивнул и нахмурился.

— Для верности бы еще спросить кормилицу, но я боюсь, она только подтвердит. Время пришло, принцесса. То есть, ваше величество.

Озма и не заметила неправильного титулования, да она сама еще не привыкла, что теперь величество. И до церемоний ли сейчас, когда ее догоняет проклятие прапрапра-тетки?

— Но так ведь не должно быть, — беспомощно сказала она. — Это всегда было с детьми, я читала. И Пастория Добрый, и Эвирен... Они все превратились, когда были совсем маленькие и еще ничего не понимали. Им было все равно! Если проклятие выпало на меня, почему меня не превратили в детстве?

— Ее величество так хотела девочку, — шепнула кормилица и опустила глаза.

— Это не проклятие, — примирительно проговорил Наставник. — Это особенность монаршего рода. И она не проявляется внезапно, ваше величество, у вас еще есть время.

Да, чтобы срочно выйти замуж, родить наследницу и превратить ее в наследника. Чудесно.

— Я не хочу замуж прямо сейчас, — плакала Озма в расшитую подушку. — Да и за кого?

Эмбер сочувственно вздыхала и в нарушение всего церемониала гладила ее по голове.

— Любой будет счастлив стать избранником королевы...

— Да плевать мне на любого, — всхлипнула Озма. — Выйти замуж полбеды, но родить только для того, чтобы передать проклятие? Она меня возненавидит...

— Ну, она... то есть он... Не будет знать другой жизни и не возненавидит. Но я понимаю, что ваше величество хочет сказать.

Озма села и вытерла припухшие глаза. Хватит без толку рыдать, слезами горю не поможешь. В конце концов Наставник прав, время еще есть. Нужно разузнать подробности... Да и мало ли.

Вдруг завтра ей на голову свалится консорт ее мечты? Все проблемы решатся разом.

Она села к зеркалу — не идти же в архив с таким носом! — и поймала взгляд Эмбер в отражении.

— Ты грустная из-за меня или у тебя что-то случилось?

— Не смею докучать ее величеству, — начала было она, но Озма схватила подругу за руку.

— Перестань. Что с тобой?

— Получила ответ из Академии, — призналась Эмбер.

Наверное, она и сама прекрасно понимала, что другого ответа получить не могла. Женщина в Академии — слыханное ли дело? Но все же — это была Эмбер, а Озма не знала никого умнее ее.

Эмбер с интересом читала скучнейшие книги по физике и астрономии, расспрашивала королевского медика об устройстве железного костюма, а Мистика — о секретах его фокусов.

Мистик, конечно, делился неохотно и только по настоятельной просьбе ее королевского величества, но Эмбер была в восторге от его рассказов, особенно заинтересовалась технологией записи и передачи изображения. Ей казалось, что можно найти способ получше, и собственно, в письме в Академию она и изложила свою теорию. Видимо, ученые мужи разнесли ее в пух и прах.

— Да они ее даже читать не стали, — раздосадовано проговорила Эмбер. — Это по письму понятно. Если бы они разнесли в пух и прах, Озма, я бы только счастлива была! Может, есть уже новые разработки, о которых я не знаю... Или они бы указали, где я ошибаюсь. Но они же просто написали вежливую... Да ладно, кого я обманываю. Издевательскую отписку они прислали. Напомнили про живопись и зеркала... Почему бы просто было не написать: «Шли бы вы, деточка... замуж!».

— Хочешь, мы съездим туда? — Озма даже удивилась, как это ей сразу в голову не пришло. — Я велю совету разобрать твое письмо со всей серьезностью и назначить тебе руководителя. Они не посмеют ослушаться.

— Да толку, — огрызнулась Эмбер и тут же, спохватившись, присела в глубоком реверансе. — Благодарю вас, ваше величество, но это будет лишь напрасной тратой драгоценного времени и сил вашего величества. Они сделают вид, и даже похвалят, чтобы сделать вам приятное, но не будут же они всерьез... Да мне могут даже диплом Академии выдать, и что? Буду им вышитые ряды в схеме гобелена прикрывать.

— Может, все-таки съездим? — Озма улыбнулась, пытаясь отвлечь подругу от грустных мыслей. — Мне наверняка придется расспросить о проклятии.... То есть наследии прапра. Так что все равно нужно будет навестить столицу. Ну их, этих старых закостенелых ученых сморчков, они ничего не понимают. Но может быть в коридоре Академии ты наткнешься на одного.... загадочного блондина?

Она ожидала, что Эмбер радостно зальется румянцем и примется отнекиваться, как было прежде. Но та помрачнела окончательно.

— Он женился и как-то растерял всю загадочность. И бросил Академию. Кажется, подался в жестяную команду: там платят, а ему теперь нужно кормить семью. Стоило оно того? Из кожи вон лезть, получить стипендию — и через два года все бросить ради сомнительной радости жениться? Не понимаю, правда... Будь я мужчиной....

Она говорила что-то еще, но Озма уже не слышала. Она смотрела прямо перед собой, радуясь и ужасаясь одновременно. Эмбер, из рода Эвирена, немагическая ветвь королевской семьи... Если она всерьез... Нет, это совершенно дикая мысль. Но она не выходила из головы.

— Эмбер, — выдохнула она прямо посередине какой-то длинной фразы. — Ты серьезно? — и, поймав ее непонимающий взгляд, добавила: — Ты вправду хотела бы стать мужчиной?

Эмбер открыла рот, но не проронила ни звука. Потом прижала пальцы к губам. Кажется, до нее тоже дошло.

* * *

...тогда мы отправились в усыпальницу и встретились с Озмой Основательницей. Вернее, Эмбер встретила. Я помню, мы стояли там, ждали, откроется ли перед ней дверь, и я просто умираю от волнения.

— Я тоже, — вздохнул Глюч... Амброз? Эмбер? ДиДжи потрясла головой и решила, пока он... она? В общем, пока Глюч остается самим собой, проще и думать о нем по-прежнему. Тем более, что он, кажется, не торопился возвращать женский облик.

— Но усыпальница открылась, — продолжала мама, — Эмбер вошла. И я отправилась домой. Амброз написал мне через три дня и приехал где-то через месяц. Помнишь? Он качнул головой.

— Не очень. Простите, ваше величество. Я помню уже Академию, Леона мне очень помогла тогда: привыкнуть, освоиться и вообще... Она не знала, — добавил он, взглянув на ДиДжи. — Никто не знал, кроме Наставника.

ДиДжи потеряла щеки и долго выдохнула. Привыкнет ли она когда-нибудь к чудесам своего нового мира? Вот ее мама и ее друг сидят и обсуждают, что он родился женщиной, а стал мужчиной, причем не с помощью медицины, пусть даже волшебной, а потому что ее магическая

прародительница произнесла заклинание...

— А твоя семья?

— Родителей уже не было, дядя не интересовался моей судьбой... А Леоне я сказал, что бедная кузина Эмбер умерла. Ох, сколько хорошего я о себе узнал! О ней. Оказалось, Эмбер была такой милой, такой умной, такой очаровательной... Чуть не поверил, честное слово. В общем, мы утешали друг друга после внезапной смерти нашей бедной кузины, которую мы едва знали, честно говоря, и... — он замолчал и улыбнулся своим мыслям.

Мама тихонько откашлялась.

— Простите, ваше величество. О чем я, куколка?

— Леона, — напомнила ДиДжи.

— Леона? Она вышла замуж потом и уехала...

— В Северные земли, — подсказал мама. — У нее все хорошо.

— У нее все хорошо, — эхом отозвался Глюч. — Мы списывались сначала, а потом началось все это... Ну и... — он неопределенно махнул рукой и замолчал.

ДиДжи снова заговорила, осторожно подбирая слова.

— Ну тогда, Амброз... Если вернуться к тому, о чем говорит мама... Это ведь выход, правда? Ты, конечно, привык за столько лет, но ведь ты и свою прежнюю жизнь помнишь?

Вернее, точно так же не помнишь. Но этого вслух она говорить не стала.

— Я, Кейн, Дикарь — мы все примем Эмбер, а мама так и вообще знала ее. Тебя.

И не будет провалов и застреваний, и ужасной молнии в голове, и тех панических секунд, когда он смотрит безмятежным и совершенно пустым взглядом: «Привет, мы знакомы?» Но этого ДиДжи тоже не стала говорить. Впрочем, не нужно было. Глюч помрачнел, поднял руку к голове и нервно пробежался пальцами по молнии.

— Это нечестно, — в который раз тихо проговорил он. — Я все потерял, я... я не хочу об этом говорить.

Мама молча взяла ее за руку, и ДиДжи не стала продолжать. Пока что не стала.

Они вернулись к этому разговору еще через несколько дней, когда Амброз был на связи. Он обсуждал с мамой новости из столицы и Черных гор, ДиДжи с тоской смотрела в окно, где по лугу под ветром перекачивались зеленые волны.

— Тебе ведь не обязательно мучиться в этой пыточной конструкции, — вздохнула она, когда Амброз наклонился к отчету, и шлем едва не выскользнул из-под усталой руки. — В такую погоду можно заседать и в беседке. Можно было бы...

— Мы скоро закончим, принцесса, — пробормотал Амброз, не то виновато, не то обиженно. — И ты сможешь вернуться к своему пейзажу.

— Мне не тяжело, — соврала ДиДжи. — Прости, что я опять об этом, так же не может продолжаться вечно? Ну не будешь же ты всю жизнь связываться с собственным мозгом с моей помощью? Может, уже принять помощь Дороти и...

Она замолчала: Амброз опять кривил губы в знакомой горькой гримасе.

— Дитя мое, — негромко проговорила мама. — Не нужно... К тому же я все еще нуждаюсь в своем советнике.

— И что? — ДиДжи не могла отделаться от ощущения, что они говорят совсем о другом. — Ну несколько-то дней ничего не решают. Или он... она будет долго приходить в себя? Амброз, ты ведь уже знаешь, как это...

— Недолго, — резко отозвался он. — Через неделю уже вполне смогу приступить к обязанностям, если ее величество захочет вернуть меня на прежнюю должность.

— Я не думаю, что после всего пережитого это будет удобно, — отозвалась мама. — Я буду смущена, друг мой. Может, тебе лучше отправиться в городской совет? Общество призрения и попечительства практически ничего не делало все эти годы, займешься...

— Вы о чем вообще? — изумилась ДиДжи. — Что неудобно? Какое общество призрения?

— Благотворительное общество, которое заботится о сиротах, — объяснил Амброз. —

Подходящее занятие для леди Эв, коль скоро ее величество больше не хочет видеть меня при дворе и высылает в столицу.

— Я не хочу высылать тебя, — огорчилась мама. — Ты можешь остаться здесь, если хочешь, но ты сам ведь говорил, что просто жить при дворе — это печально и недопустимо.

— Да что происходит? — не выдержала ДиДжи. — Мама, он вернет мозги, приедет назад и работайте дальше! В чем проблема? Что, леди Эв уже не сможет занимать должность королевского советника?

— Ну конечно нет, — мягко проговорила мама. — Она ведь женщина.

ДиДжи медленно, удерживая контакт, повернулась к окну спиной. Тихо было, казалось, даже генератор в мозговом передатчике заурчал потише.

— То есть, — заговорила она, изо всех сил стараясь не кричать, — то, что ты обсуждаешь свои дела с сумоголовым, соединенным с собственным мозгом с помощью меня, магии и невообразимой конструкции — тебя устраивает? И если этот же мозг, вместе со всем сознанием, памятью и опытом, вернется в тело, но это тело будет женское — все, он резко потеряет свою ценность? В этом все дело?

Мама смотрела растерянно и непонимающе. Кричать хотелось все сильнее.

— Теперь ты понимаешь, из какой тюрьмы мне удалось сбежать, — тихо сказал Амброз.

— Ты не сбежал, ты переоделся охранником, — резко ответила ДиДжи. Зря, наверное, но было уже все равно. А еще она устала. — Я сейчас отключусь и схожу за Азкаделлией, вы с ней закончите свое заседание.

— Хорошо, — еле слышно отозвалась мама. Амброз молчал.

— Эмбер... — вздохнула ДиДжи. Он не шевельнулся. — Знаешь, если бы мне давали дельные советы, мне было бы все равно, в штанах советчик или в юбке.

И она вышла из лаборатории, ни на кого не глядя.

* * *

Разумеется, официант смотрел на Амброза и ему протянул меню. Впрочем, Озму это вполне устраивало: она планировала сохранить инкогнито. Пока что все получалось: она оставила свиту в Академии, вышла оттуда вместе с Амброзом, а на улице они легко смешались с толпой. Ничего особенного, студент Академии ведет даму в густой вуали в уютное кафе в тени городской стены, судя по всему, облюбованное академистами местечко.

— Здесь варят очень хороший кофе, — пообещал Амброз. — И миндальные пирожные неплохи. Он ловко подвинул ей стул, небрежно сделал заказ, поймал ее любопытный взгляд из-под вуальки и внезапно смутился.

— Привыкаю понемногу. Уже не вздрагиваю при звуках собственного голоса.

Он очень изменился с последней встречи. Или ее стоило назвать первой? После визита к Основательнице Озма получила три письма, полных благодарности и радости, но так и не могла представить, что случилось с Эмбер. И когда наконец она приехала... он. Когда наконец он приехал, то оказался таким... трогательным и даже забавным. Озма узнавала и не узнавала его... ее. Иногда казалось, Эмбер разыгрывает ее, переодевшись в сюртук, наконец-то найдя подходящую одежду для своего длинного, костлявого тела, на котором корсеты всегда сидели криво и неловко. Будто она наконец-то перестала сражаться с копной мелких кудряшек, из которых никогда не удавалось соорудить приличный «венечек любви», и собранные в простой хвост, они внезапно оказались симпатичной прической. Но все же это была не Эмбер. Озма узнавала улыбку, жесты, взмах ресниц и взгляд, но они уже принадлежали другому человеку. Амброз Эв, бледный и худющий, словно после тяжелой болезни выздоравливающий, со странными и неловкими манерами: он замирал перед поклоном (спохватываясь, чтобы не сделать реверанс, догадалась Озма), останавливался перед закрытыми дверями и замолкал почти испуганно посреди фразы, прислушиваясь к самому себе.

Сейчас все было по-другому. Он посвежел, двигался свободно, и Озма могла поспорить, что шейный платок под его академической курткой был вопиющим, хотя и очень красивым нарушением формы.

— Волосы остриг? — улыбнулась она.

Он коснулся темного завитка над ухом.

— Да... Мне так идет, правда?

Озма тихонько засмеялась, и он снова смутился.

— Прости, это так странно, я как будто не себя в зеркале вижу, а кого-то другого, кем можно любоваться без ложной скромности. Но красивый ведь? И никто ничего не говорит. Профессор Пипт иногда ворчит, что-де нужно думать о содержимом головы, а не об ее убранстве, но не вздыхает, мол, зачем вам наука при вашей внешности, шли бы вы, лапушка, жениться...

— Это он тогда письмо написал? — понятно уточнила Озма.

— Кто же еще, — фыркнул Амброз и придвинул тарелочку с пирожным. — Теперь взял под покровительство. Мне сначала думалось, будет противно с ним работать, но так другие-то не лучше. А он хотя бы умен. Раскатал мою теорию в пыль! Все выкладки исчеркал, где я не прав, информации вывалил — море. Где вы только учились, юноша, говорит, откуда эти замшелые представления о природе света? Провинциальная школа, говорю ему, заостенели в своих старых знаниях. Ничего, у вас золотая голова, вы быстро наверстаете... Представляешь? Оказывается, мои чертежи не только на папильотки годятся.

Озма сочувственно коснулась его руки и вздрогнула, когда он накрыл ее руку своей.

Прикосновение жесткой ладони было таким неожиданно теплым и ласковым...

— Все прекрасно, ваше величество, — прошептал он. — Я так счастлив.

Она осторожно убрала руку.

— Да, это заметно, ты просто сияешь. И выглядишь прекрасно.

— От ветра уже не шатает? — засмеялся он. — Я помню, напугал тебя тогда, в Финакве... Но я нормально себя чувствовал, просто координация еще страдала. Тело как будто чужое... Сейчас уже все хорошо. Леона меня к танцам приохотила, а у Кемпбелла роскошные конюшни, и он совершенно не против моих визитов.

— Еще знаешь что можно? — вспомнила Озма. — Боевые искусства. Как раз недавно был армейский смотр, и Лонот объяснял про рукопашный бой, и это было даже... красиво! Похоже на танец.

У него глаза загорелись, но он тут же сник.

— Да, но... Кто меня учить-то будет?

— Да прямо у Лонота и спроси. Думаю, ему будет лестно поделиться знаниями с его милостью лордом Эв.

Амброз застыл на пару секунд с чашкой кофе в руке, приоткрыв рот, потом тряхнул головой и снова радостно рассмеялся.

— Озма Всемогущая, я снова забыл, что мне теперь можно все!

— Не уверена насчет всемогущей, но мне приятно, — хихикнула она, и еще несколько минут они хихикали, как подростки, склонившись друг к другу, и он снова накрыл ее руки своими, и она перебила смущение вопросом. — Как там Леона?

— Прекрасно, спасибо. Она само очарование, что бы я без нее делал... Нет, правда, она даже не знает, как она мне помогает. Мы были на городском балу третьего дня, она меня еле от стенки отлепила. Бедняжка до сих пор уверена, что я стеснительный провинциал, а я едва со страху не умер, мне вдруг представилось, что меня разоблачат прямо посреди бала, ну помнишь, как в истории Джинджер, расстегните мундир, генерал, и прочие страсти. Причем я понимаю, что глупости, да и мундир расстегнуть могу без боязни, и все же... — он замолчал и виновато улыбнулся. — Прошу прощения, я трещу без умолку, но теперь это никого не раздражает. Я вдруг оказался очень скромным и молчаливым юношей. Ю-у-уношей, — повторил он, незнакомо кривя губы. — Знаешь, Леоне пеняют, что она возится с юнцом, а она говорит — это кузен из провинции,

ему нужно набраться столичного лоска, и опекает меня, как младшего непутевого братика, а я ее старше на два года... Прости, я снова болтаю.

— Мне приятно тебя слушать, — честно призналась Озма. — Я немного боялась, не жалеешь ли ты о своем решении. Все-таки это было невообразимо. Так изменить свою жизнь, отказаться от всего...

— Ваше величество, — он снова перешел на конспиративный шепот. — Единственное, от чего я отказался — это от счастья видеть ваше величество каждый день. Я скучаю по моему драгоценнейшему другу, моей королеве, но это ведь исправимо?

Озма зарделась. Она... он ведь не знает, это еще не объявляли официально, а слухи до столицы, видимо, еще не дошли...

— Амброз, друг мой, — заговорила она, глядя в свою чашку. — Об этом скоро будет объявлено официально, я сделала свой выбор и назову принца-консорта... Это Странник, Ахамо... Она осторожно подняла взгляд.

— О, я так рад за вас, — просиял Амброз. — Странник, счастливейший из людей по обе стороны грани... Он хороший человек? Он станет достойным мужем моей королеве? Озма, я так польщен узнать об этом раньше всех, я бы на коленях поздравлял тебя, но это привлечет слишком много внимания.

Его радость казалась вполне искренней. Озма растерянно скомкала салфетку, не зная, радоваться ли ей, что чувства Эмбер к ней не изменились, или досадовать, что Амброз... И о чем он тогда говорил?

— Тогда тем более с удвоенным усердием я буду просить тебя о том, о чем хотел. Я не хочу оставаться в Академии, я хочу вернуться ко двору. Озма, молю ваше величество, возьми меня в высокий совет, когда я поднаторею немного. Наука без практики мертва.

— Конечно, — с облегчением пообещала Озма. — Я и сама думала об этом. Место в совете ждет тебя, когда ты будешь готов.

* * *

Глюч ввалился к ней в студию через два дня. Диджи не видела его после того разговора в лаборатории и не знала, что делать дальше, и боялась заговорить снова, и хотела вернуть прежнюю дружбу... И вот он появился на пороге просторной светлой комнаты, в которой Диджи обосновалась со своим мольбертом, и вместо приветствия заявил:

— Отвезешь меня в усыпальницу?

— Что? — она не сразу поняла.

— Ты все это затеяла, — он пожал плечами. — Отвезешь меня к Дороти? Вернем Эмбер. Меня. А потом я попробую дать тебе пару дельных советов. Диджи молча кинулась ему на шею.

Мама все равно поехала с ними, и Диджи была этому рада. Они молчали всю дорогу, но без напряжения и вины, просто волновались все так сильно, что говорить никому не хотелось.

— Пока, куколка, — сказал Глюч на пороге. Мама осталась в карете, он поцеловал ей руку и поблагодарил за помощь и огромную честь.

— Ты со мной прощаешься? — удивилась Диджи. — Но ты ведь вернешься....

— Я вернусь, но поверь, все изменится.

— Ты все равно останешься моим другом, — упрямо проговорила она.

— Мы постараемся, — непонятно пообещал Глуч и шагнул в сияющую пустоту за дверью.

А через неделю Диджи послала к черту договоренность дожидаться его возвращения в Финакву, уточнила у мамы, где находится поместье, и поехала в небольшой домик неподалеку от Разлома. Ей пришлось долго колотить в дверь позеленевшим дверным молотком, прежде чем ей открыла рослая угрюмая тетка. Она молча кивнула в ответ на ее слова, что она принцесса и приехала увидеть леди Эв, проводила ее в гостиную, отдернула штору на пыльном окне, рухнула в глубокое кресло напротив Диджи и мрачно заявила:

— Можешь звать меня тетушка Эмбер.

ДиДжи ахнула и наконец-то всмотрелась.

Что ж, как и говорила мама, она не была хорошенькой. ДиДжи искала и находила знакомые черты: Амброза будто перерисовали, небрежно, не заботясь о том, пойдет ли этому новому лицу длинный подбородок и выдающийся нос, и волосы обрамляли лицо как-то странно, и платье сидело некрасиво.

— Почему тетушка? — опомнилась наконец ДиДжи.

— Потому что синапсы больше не глючат. И потому что я ровесница твоей матери, деточка.

— Я... — ДиДжи помотала головой, пытаясь собраться с мыслями. А чего она ждала? Она и сама не знала. — Извини, я не дождалась твоего приезда. Мне хотелось увидеть тебя.

— Увидела? — Эмбер знакомо ухмыльнулась, и ДиДжи вдруг ощутила, что мир потихоньку становится на место. К черту, это Амброз, Глюч, ее добрый друг. Она обещала, что они останутся друзьями.

— Увидела, — улыбнулась она. — Это непривычно, но...

— Это ужасно, — скривилась Эмбер. — Давай называть вещи своими именами, да? Амброз был красавец, даже Глюч был обаяшкой, и не спорь, ты меня из манчкинской клетки забрала. Его. Меня бы не забрала.

— Ну, если бы ты на меня так напустилась, точно бы не забрала, — ДиДжи все еще пыталась отшутиться.

— Да, прости, — Эмбер вдруг осела в кресле. — Я на самом деле на себя злюсь. Это было глупое решение, я жалею о нем, но вернуть уже ничего нельзя. Я забыла, каково это, я отвыкла от всего этого, я второй... третий? Третий день пытаюсь увидеть в зеркале хоть что-то приличное, но...

— Стоп, — оборвала ее ДиДжи. Что он... она несет? Какое зеркало, о чем жалеет, что за ерунда вообще? — Эмбер, причем тут зеркало? Ты вроде как не за красотой к Дороти ходила, а за мозгами? Или тебе их так и не вставили? — ее опять несло, и опять останавливаться не хотелось.

— Глюч... Эмбер... Ты чего? Я жду тебя в Финакве, мама ждет тебя, у нас куча дел и ей вроде как нужны твои знания, твои мозги. Ей нужен ее советник! А ты тут перед зеркалом вертишься? Потому что — ты же девочка и тебе нужно платьице?

Эмбер молча зыркнула на нее, но ДиДжи продолжала:

— Знаешь, когда я говорила, что мне все равно, будешь ты в юбке или штанах, то я это и имела в виду. Ну не идет тебе платье, тоже мне, трагедия. Надевай штаны и поехали.

— Это неприлично, — пробормотала Эмбер. — Куколка, я не героическая волшебная принцесса О.З., я не могу себе позволить... Я при дворе в конце концов, у меня есть официальное платье с корсетом... в котором я похожа на майский шест.

— Но обязана его носить, потому что — что? — взорвалась ДиДжи. — Эмбер, ты второй человек в королевстве, если тебе кто-то что-то скажет насчет корсета — рассмейся ему в лицо. Никто тебе не указ, кроме тебя, а твоя голова набита всей этой уродливой чушью про «я должна». Амброз сильно кому-то был должен? Или он был мужчина, ему было можно?

— А ты наконец-то начинаешь вспоминать, как обстоят дела в О. З., — фыркнула Эмбер. — Это не Та Сторона, девочка. Ты жила в другом мире и ты забыла, что здесь...

— А какого черта ты ничего не сделала, пока была у власти? — перебила ее ДиДжи. —

Переоделась в штаны — и справилась? Тебя не брали в Академию, пока ты была Эмбер — почему Амброз не организовал учебу для женщин? Где законы, право собственности, право на работу и все остальное? Ты ведь сама сказала — сбежала из тюрьмы. А остальные?

— А кому это надо? — взвилась Эмбер. — А то я не общалась с женщинами... И у всех на уме было одно — удачный замуж. Никто не рвался в Академию...

— И ты туда не рвалась, потому что даже если бы тебя туда взяли, куда потом? Работать? Где? Это замкнутый круг, Амброз, и ты не сделал ни хрена, чтобы его разорвать.

— Эмбер! — рявкнула она. — Меня зовут Эмбер. И ситуацию нельзя изменить одними законами, общество должно быть готово к ним!

— Так готовь его! — заорала ДиДжи, вскочив и уже не сдерживаясь.

— Ну отлично, — выдохнула Эмбер внезапно и снова рухнула в кресло. — Мы стоим и орем друга на друга. Прекрасное общение наследницы и ее советницы, покойный профессор Пипт бы рыдал от восторга. Бабы у руля!

— Зато ты больше не ноешь у зеркала, — парировала ДиДжи. — Я скажу маме, что ты приедешь завтра? Нужно будет подготовить пакет законов.... Да, мы не изменим общество сверху и за один день, но с чего-то надо начинать?

Она приехала на следующий день. Вошла, остановилась на пороге, вздернула голову и посмотрела на ДиДжи.

ДиДжи одобрительно осмотрела аккуратную стрижку, приталенный пиджак и длинную узкую юбку, показала большой палец и уже повернулась было идти в кабинет, когда вспомнила. На фоне событий последних дней у нее это совершенно вылетело из головы.

— Кейн! Черт, я напрочь забыла... Ему ведь надо сказать, он же не знает...

— Он знает, — сухо проговорила Эмбер и едва слышно добавила: — Без шансов, куколка. Не отдам...